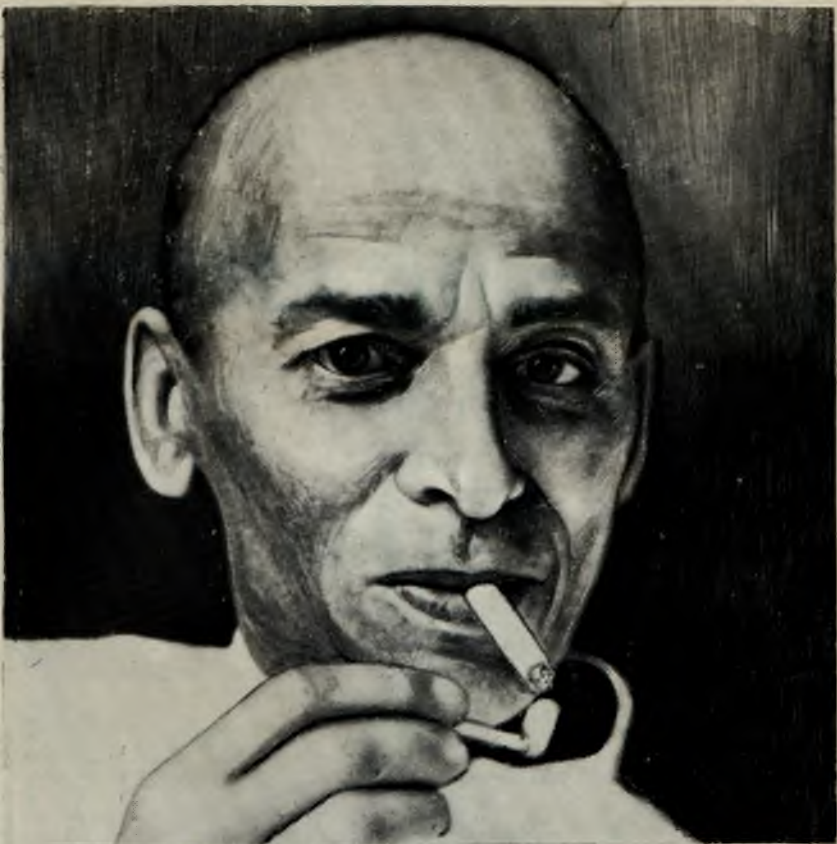

I 868371

А Н А Т О Л И Й   О Л Ъ Х О Н

СЕВЕРНОЕ
СИЯНИЕ

А Н А Т О Л И Й О Л Ь Х О Н

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1978

Р
056

Оформление серии художника А. Аносова
Ольхон Анатолий Сергеевич
056 Северное сияние. Стихи. Иркутск, Восточно-Сибирское
книжное издательство, 1978.

128 с.

(1) $\frac{0732-06}{M141(03)-78}$ 25 — 78

P2

СЕРДЕЧНОЕ СЛОВО

В начале тридцатых годов я вернулся с Дальнего Востока. И тогда же в иркутской печати прочитал стихи незнакомого поэта, посвященные морю. Я видел высокие, покатые волны Тихого океана, изумрудные, даже в ненастье, воды Черного моря... А это:

Вот какое ты!
Огромное,
Несприветливое, темное,
Диким ветром взбаламучено,
Словно судорогой скручено.

Море со своим настроением, своим характером. Не безликое, как во многих неудачных стихах, а море, которое саирепо бушует между берегом и тяжелыми льдами Ледовитого океана. Да, зорек глаз автора. Сила слова, точность и свежесть сравнения! В то время в Иркутске вышли первые поэтические книжки Константина Седых. Сибирские читатели сразу заметили чрезвычайно своеобразные, отмеченные ярким дарованием стихи. И вот рядом книжка Анатолия Ольхона, о которой вдумчивый читатель мог резонно сказать — появился еще один настоящий поэт Сибири.

Анатолий Сергеевич Пестюхин (отцовская фамилия) не был, что называется, коренным сибиряком. Он родился в 1903 году в Вологде, в семье рабочего. После революции — средняя школа. Рабочий лесозаготовок. Дальше — Ленинградский педагогический институт. Корреспондент областных и московских газет. Поездки, главным образом, на Крайний Север. Первые стихи, которые печатаются в центральных журналах. Первая книжка стихов, названная «Тундрой». Само название книжки говорит о характере стихов начинающего поэта. Знакомые с молодых лет: северный лес, постепенно переходящий в бескрайнюю тундру, суровое побережье Беломорья, кочевья северян-ненцев, жизнь и труд рыбаков-поморов. И вполне понятно: когда молодой поэт попал в Сибирь, ему не надо было, что называется, перестраиваться

творчески, акклиматизироваться — он попал в родную стихию, только еще более суровую и безмерную по дальним далям — от хребтов Бырранга на Таймыре до мыса Дежнева, от побережья Ледовитого океана до Байкала.

Сибирские эти просторы поэт объехал, облетал, исходил пешком. Под большинством его стихотворений, словно отметки на командировочном удостоверении, стоят даты и названия — Берингов пролив, остров Большой Диомид, бухта Амбарчик, Охотский берег, Подкаменная Тунгуска, Колыма, Якутск, Вилюй, зимовье на Индигирке, Илимская башня, Байкал, Баргузин и т. д.

Страсть к путешествиям, неистощимая любознательность никогда не изменяли поэту. «Для меня движение — работа!» — говорил он друзьям. «Перестану ездить — брошу и стихи писать»... Кстати и псевдоним его «Ольхон» родился в дорожном раздумье, на байкальском острове Ольхон. Очень полюбилось поэту славное море. После долгих скитаний по крайнему северу Сибири Анатолий Ольхон, как он сказал однажды друзьям, «бросил свой якорь в волны Байкала». Стихи о Байкале, о его смелых старожилах-рыбаках можно назвать заключительным аккордом песен поэта. Сюда-он наезжал уже серьезно больным.

Да! Много значит для писателя видеть то, о чем пишешь, своими глазами, встречаться лицом к лицу с героями своих произведений, слушать их речь, вникать в их дела, чувства и мысли, отсюда — главное в творчестве: достоверность образа, будь то образ человека или образ окружающей его родной природы. Все это немедленно чувствует читатель, знакомясь со стихами и поэмами Анатолия Ольхона. Ощущение свежести, неповторимости поэтических картин, явлений, говора, характеров нарастает с каждой строфой его стихотворений. Иногда вместе с автором буквально видишь воочию то, о чем он повествует.

Вот с мыса легендарного первооткрывателя Семена Дежнева открывается ошеломляющая картина нарождающегося дня:

Опустите бинокли!
Закройте зрачки фотокамер:
Не глазами, а сердцем
Глядите в рассвет...

Мысль развивается. Автор ведет нас на остров Большой Диомид:

Тут проходит граница
Между прошлым
И нынешним днем...

И мы видим в образах не только астрономическую, междунородную границу дня, но и границу двух стран, двух миров.

Разнообразны приемы словесной живписи А. Ольхона. Часто они звучат устрашающе, ибо верно передают то, что действительно страшит:

Полюс холода!
Черного неба зиянье.
Белых пиков над тундрой чудовищный взлет.
Полюс холода.
Здесь замерзает дыханье,
Спирт густеет,
А ртуть превращается в лед.

А вот спокойно-эпическое явление. Оно с первого взгляда кажется даже описательным, но неожиданно встают перед глазами грозно-причудливые утесы ленских берегов:

Горы? Нет, не похоже на горы.
Это — башии, дворцы, терема,
Колоннады, террасы, соборы,
Минареты, гробницы, дома...

Предельно просто, но впечатляюще зримо.

А вот лирический облик сибирской природы. Нет обычной суровости у старика Байкала, и это хорошо передают прозрачно-нежные слова, задушевная интонация:

Над Байкалом веют снегопады,
Лебединый пух летит в тайгу.
Мореходок серые громады
Отдыхать легли на берегу...

Как видите — очень разнообразна художественная палитра поэта.

Поэзия А. Ольхона, густо населена людьми, закаленными трудами и суровой природой. Тут — охотники и рыбаки, пахари и оленеводы, лесорубы и геологи, летчики и шоферы, географы и водители полярных кораблей. С большой любовью и вниманием, иногда предельно сжато, но выразительно рисует автор образы смелых и мужественных сибиряков и сибирячек, покорителей трудной, иногда нетронутой природы, строителей новой Сибири. Есть, например, у Ольхона проникновенные стихи — новелла о байкальской рыбачке, мастерице своего дела Настеньке, необычная жизнь которой начинается с очень трогательного эпизода:

Это было в годы партизанские:
На Байкале выловили лодочку
И нашли в ней лапотки крестьянские
И девочку чью-то, одногодочку...

Очень характерен образ старой рыбачки, матери большой рыбачьей династии, Устиньи Ильиничны. Мы видим ее смелую

и решительную, узнавшую за свою долгую жизнь, «почем фунт лиха», с ее лукавым, неповторимо-красочным говорком. Кстати, то, что герои стихов, новелл и поэм Анатолия Ольхона гордятся своим, присущим им языком, объясняется тем, что поэт хорошо знает не только русский сибирский фольклор, но и фольклор, например, якутов, эвенков, что вооружало его стихи своеобразием и красотой народного слова.

Мастерство любого настоящего поэта чрезвычайно сложно. И, наверно, главное в нем — искренность, когда явления жизни, как говорят, «прошли через сердце писателя». Одна из лучших поэм Ольхона «Служба погоды» свидетельствует о таком мастерстве, о такой искренности. Приведу несколько строк из начала поэмы:

Ты спишь сейчас на подступах к Петсамо,
Окутанная тундровой пургой.
Мерцающее, радужное пламя
Полнеба опоясало дугой.
Легчайшие, прозрачные пушинки
Над холмиком могильным шелестят.
Согбенные березы-неслюдимки
Сережками хрустальными блестят...
Как холодно!

Изумительно это, словно стон, обрывистое: «Как холодно!» Фраза несет двойную нагрузку. Холодно, потому что метет северная пурга. Бесконечно холодно на сердце героя поэмы и потому, что он потерял здесь в бою с немецкими фашистами любимого человека.

«Северное сияние» — книга избранных произведений Анатолия Ольхона. Понятно, что многое не вошло в сборник, в том числе, например, большая поэма о Николае Чернышевском, стихи о прошлом Сибири, переводы поэтов Якутии, Эвенкии и др.

Думается, что читатель, особенно молодой, возможно, малознакомый с творчеством Анатолия Ольхона, с интересом прочтет замечательно самобытные, исполненные истинной поэзией стихи большого поэта, отдавшего свое сердце любимой Сибири.

Иннокентий Луговской

ЗВЕЗДЫ
ПОЛЯРНОГО
КРУГА

■

ПОЛЯРНЫЙ ЗОВ

Думы, думы мои, смутьяны,
Вы приходите каждый год.
Горный ветер с верховьев Яны
За собою к морям зовет.

Теплой песней, еще не петой,
Похваляются журавли.
Как противиться силе этой
Полюбившему край земли?

Пароходы уже в проливах.
Самолеты штурмуют высь.
На дорогах весны счастливых
Все друзья мои вновь сошлись.

Среди полночи утро встало.
Факел солнца неугасим.
Разве мне отставать пристало,
Старожилу полярных зим?

Нет, и я попрошу путевку,
Инвалидный листок верну:
Пусть назначат меня в зимовку,
Чтоб я снова узнал весну,

Чтобы ветер с низовьев Яны
Журавлям подпевал за мной,
Чтобы думы мои, смутьяны,
Всколыхнули простор земной.

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

Опустите бинокли!
Там каменный берег,
Там закутанный тучами,
Темный, обрывистый мыс;
Там слетаются ветры из всех неоткрытых Америк
И обтаявший лед осыпается вниз.

Ясно вижу темную дымку столетий:
Над волнами ныряет дерюжный косой парусок;
Сбоку — бьется другой;
Распластался, оборванный, третий...
Завывает ветрище.
Пурга сыплет белый песок.

Посвинцовело море,
И неба не видно.
Надвигаются плотные, грузные льды.
Погибают суда!
Зимовать не легко и обидно:
Растеряются жизни, и чьи-то исчезнут следы.

Голод станет томить.
Смерть придет — без могилы...
Поглядите! Они все идут и идут.
Видно, есть на Руси удалецкие силы!
Поговорки о них заклинают беду:

«Удалец — не утонет».
«Удачник — не сгинет»...

Леденеющей бездной,
Последней волной
Вот на отмели эти суденышки кинет.
И гремучая гибель пройдет стороной.

Раскололись суденышки.
Жалкие кочи, —
Долотом да топориком сшиты суда,
Но прошли, не робея, сквозь вьюжные ночи,
По студеным морям залетели сюда.

Капитан-командор Витус Беринг возвышен:
Окрещен его именем русский пролив,
А казак-мореход Семка Дежнев не слышен,
Чуть не веком пораньше к Охотску доплыв.

Эй, казак-удалец,
Сын российской землицы!
Эй, Семен свет Иванович, встань, покажись!
Ишь, какой ты приземистый да круглолицый,
По плечу тебе трудная, бурная жизнь.

Ишь, какой ты!
В кафтане родного суконца,
В доброй шубе медвежьей,
В московских цветных сапогах...
Борода у тебя ярче рыжего солнца.
Взгляд — пронзителен. Речь — скуновата, строга.

У костра ты стоишь, опираясь на саблю.
Рядом дремлют товарищи странствий твоих.
Зимовать будет люто.
Ты шепчешь: «Души не ослаблю...»
(Так и я говорю себе в час испытаний лихих.)

Не ослабнешь, Семен свет Иванович!

Слава

Подняла твое имя на веки веков:

Этот глыбистый берег

России держава

Закрепила границу материков.

...Опустите бинокли!

Закройте зрачки фотокамер!

Не глазами, а сердцем глядите в рассвет:

Дежнев мыс над Чукоткой поднялся и замер,

Вечный памятник русских побед.

ПАМЯТНИК ШЕЛЕХОВУ В ИРКУТСКЕ

Колумб здесь Русский погребен, преплыл
моря, открыл страны безвестны...

*Г. Державин. Надпись на камне мо-
гилы Г. И. Шелехова в Иркутске*

Шапки снять!

Здесь лежит открыватель Аляски,
Наш российский Колумб,
Полномочный наместник рубежных морей.
Два столетья о нем повторяет былинные сказки
На границе Полярного Круга
Грохочущий льдами борей.

Время гложет гранит.
Изветшала плита над могилой,
Позолота померкла,
Но блещет державинский стих!
Вспоминает его Ангара, налитая стремительной силой;

Вдохновенные волны поют
О величии предков моих.

Спит кладбище.
Героевы кости истлели.
Остается нетленной крылатая юность мечты.
В заполярную ночь
У последней глухой параллели
Эту старую повесть
По-новому ты перечти.

Путь — на Север!
По мокрым снегам алеутским,
По торосистым глыбам,
На устья неизвестных рек,
Он отсюда прошел —
Переулком забытым иркутским —
На другой материк,
Заглянув в новый век.

Над Курильской грядой
Плыло солнце Полярной Державы,
А охочие люди в Охотске
Смолили морские суда,
На льняных парусах пробивались за все ледоставы,
И уже в Калифорнии
Вятский мужик становил города...

Два столетия
Огнем салютуют вулканы Камчатки,
Новоселов российских встречая
На грани старинных путей.
Острова алеутов поныне хранят отпечатки
Дружелюбных следов
Величавых и смелых людей.

Спи, Григорий Иванович Шелехов!
Почет — с тобою!
По открытым морям,
На просторы весенней земли
Молодые преемники твердой и дерзкой рукою
Через Северный полюс
Еще поведут корабли.

Открытие Антарктиды, 1820 год

По-росийски январь, а в Антарктике лето.
Впрочем, мало похоже: то град, то буран.
Ледяные барьеры взрываются где-то,
Черный морок слепит — океанский туман.

Чуть вода поугрюмее, вырастут зыби, —
С парусами работа: прибавь да убавь!
Возле самых бортов стеклянеют пловучие глыбы.
Материк потаенный приблизился въявь.

Вот она, становая земля Антарктиды!
В неподвижном овале подзорной трубы
Поклонились гранитные кариатиды,
И навтыяжку снежные встали столбы.

Громыкнула с кормы судовая мортира;
Якоря по-хозяйски ощупали дно.
Легендарная пустошь, окраина мира,
Открывателей ты поджидала давно.

Принимай к берегам своим русские флаги!
Слушай теплую песню могучих людей!
Покорители мрака, питомцы отваги
Добрались до тебя среди льдов и морей.

Здесь российская вотчина будет отныне,
А Андреевский крест* станет Южным Крестом **:

* Андреевский крест — голубой крест по диагонали на белом поле. Таков был в прошлом военно-морской флаг России.

** Южный Крест — крупнейшее созвездие, видимое в Южном полушарии.

Он затеплил огни в нелюдимой пустыне —
Этот свет разгорится когда-нибудь вечным костром!

Медным гудом запели навстречу утесы,
Отраженное эхо ложится во льды..
Славен флот россиян; офицеры, матросы,
Карта Мира отметит бессмертные ваши следы.

Экватор пройден.

Солнечная лава

На крайний юг, остывшая, плывет.

В Антарктику весну приводит «Слава» —

Буксиром солнца стал советский флот.

Во след плавучей базе китобойцы

Распашут льдистый дальний океан.

Друзья весны,

Матросы-комсомольцы,

Я вижу ваш счастливый караван.

На широте, где айсбергов громады

Шатает буря в пенистых валах, —

Плывут киты,

И льются звездопады,

И Южный Крест блестит на вымпелах.

И под созвездьем этим — словно дома —

Советский гимн

Я слышу с кораблей.

Окрайна мира издавна знакома

Друзьям весны — хозяевам морей.

Удачный путь вам,

Труженики моря!

Да будут с вами ведренные дни!

Добычу приблудую гарпунеря,

Вы в темном океане не одни.

Чужие ветры мчатся над волнами,
Оскалился разбитый бурей лед.
Но с вашими сигнальными огнями
На вахту славы
Родина встает.

НАВИГАЦИЯ В АРКТИКЕ

Тяжелый шаг линейных ледоколов
Пробил дорогу транспортным судам.
И вот уже у пристаней и молов
Бурлит в камнях зеленая слюда;
И вот уже над тундровой равниной
Яснеет неба дымчатый сапфир;
В радиорубке клекот журавлиный,
А наш радист «врывается» в эфир.

— Что там?

— Да что, брат, свистопляска.

Шестнадцать станций сразу говорят!
Прогноз погоды требуют из Спасска,
Охотск оглох,
С Якутией — разлад...

— Ну ничего, сейчас их «вгонят» в нормы.

Что караваны? Вышли? С двух сторон?

— Идут, браток! На западе сквозь штормы,
А на востоке — льдам наперегон.

Идут. Сюда!..

Я слышу их в эфире,

Я вижу их в разбуженных морях.

Рыбачкие становья на Таймыре

Позолотила теплая заря.

Зимовки, принаряженные к встрече,

Нетерпеливо бодрствуют и ждут;

Маршрут давно проверен и размечен.

Труби, прибор, труби! Они идут.

Плывут большие наши караваны.
А с ними жизнь сама плывет сюда,
Весенний свет неся через туманы
В арктические бухты, в города,
В поселки наших первых пятилеток,
Где новые зарницы поднялись,
Где вологжанин, мой далекий предок,
Открыл вот этот Зыблущийся мыс.

А он незыблем. Зыбко только море,
Но берега отечества тверды.
И мнится мне, истаяли в просторе
Тяжелых лет расколотые льды.
На полюс тянет айсбергов остатки,
А в Заполярье флагов бирюза,
И от дальних гаваней до гаваней Камчатки
У моряков затеплились глаза.

И от Чукотки с утренним рассветом
Сигналят рейды, станции, посты,
Главсевморпуть, командующий летом,
Несет для нас ожившие мечты.
За журавлями следом самолеты
Над головами нашими летят,
И скоро-скоро солнечные соты
Горячим медом тундру напойт.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ

Вот какое ты!
Огромное,
Неприветливое, темное,
Диким ветром взбаламучено,
Будто судорогой скручено.

Вечно зыблемое шквалами,
Ты грозишься льдами тальми;
Берега твои бескрайные,
Редки гавани причальные.

Но прекрасно, даже гневное,
Ты, седое море, древнее,
Шапкой облачной покрытое,
Даже летом ледовитое.

Люди русские, — всегдашние,
Наши прадеды бесстрашные
Из холстины парус ставили,
На судах дощатых плавали;

Зимовать на берег чалились,
Не робели, не печалились,
Проторили тропы правнукам,
Нашим доблестным полярникам.

Имена их светят скромные,
~~Словно звезды в ночи тем -~~
Словно звезды в ночи темные —

Маяки, сигналы пристани,
Обозначенные исстари.
Здравствуй, здравствуй, море древнее,
Неприветливое, гневное!
Мы твоей волной умоемся
И еще с тобой поборемся.

Бейте вглубь дороги вольные,
Караваны ледакольные!

1944

БОЛЬШОЙ ДИОМИД

Эскимосское стойбище. Ветер.
Океанский медлительный вал.
Горизонт пополуночи светел.
Не во сне ли все я увидал?

Многоликие идолы-горы.
Разноцветные камни-столбы.
На песках травяные узоры
И тюленьих лежанок горбы.

Пахнет морем солено и пряно,
Зверобои сидят у костров.
Это племя детей океана —
Обитатели двух островов.

Слушай, слушай! Ударил винчестер, —
То меня подзывают к кострам:
Дескать, если охотился вместе,
Ты не гость, а хозяин здесь сам.

Что ж, обычаем славна охота.
Два котла остывают в песке.
В знак, должно быть, большого почета
Мясо мне подают на доске;

Вилки мы заменяем руками.
Но завиден у всех аппетит!
Чашка спирта распита глотками.
— Здравствуй, остров Большой Диомид!

Любы мне твои яркие краски.
Неотрывно гляжу в океан:
На мысах недалекой Аляски
Истлевает вчерашний туман.

Говорят, тут проходит граница
Между прошлым и нынешним днем*.
Этот остров в проливе, как птица,
Озарился рассветным огнем.

И недаром сюда эскимосы
Приезжают с чужих берегов,—
Здесь долларовой взятки не спросят,
Кочевых не ограбят шатров.

Кто свободную землю увидел,
Не вернется в туманную тень.
На советском Большом Диомиде
Начинается завтрашний день.

---

* Между островами Большого Диомида (СССР) и Малого Диомиды (США) в Беринговом проливе проходит наша государственная граница и международная граница дня.

ПО СЛЕДАМ БЕРИНГА

Плыву туда, где Беринг плыл, —
На рубежи,
Где в полночь солнца свет застыл
В морях чужих.

На стыке двух материков
Тумана нет.
Под парусиной облаков
Лучится свет.

Мне померещился вдали
Тяжелый бот.
Быть может, Беринг корабли
Опять ведет?

Быть может, Дежнева суда,
Навстречу мне,
Под ветром тянутся сюда
В крутой волне?

Нет, это новый караван
В советский порт,
Перевалив меридиан,
Ведет эскорт.

Два ледореза впереди
Взметнули флаг.
Дана команда: «Подходи
И следуй так».

**Зарокотали дизеля.
Вперед, вперед!
Большая русская земля
Сигнала ждет.**

**Радист у нас не говорлив.
И вот ответ:
— Проходим Берингов пролив,
Отставших нет...**

**Отставших нет. Проверен путь,
Не нужен лот.
На всех путях удачлив будь,
Советский флот!**

1945

БУХТА АМБАРЧИК

Чем ты славишься, бухта Амбарчик,
Я пока никому не скажу.
Заколдованный северный ларчик,
Я с востока к тебе подхожу.

Но и тот, кто плывет мне навстречу,
Ждет твои голубые огни
И в июльский оранжевый вечер,
И в сентябрьские серые дни.

О тебе говорят мореходы,
Ледоколы стремятся к тебе.
Ты встаешь сквозь заслон непогоды,
Угнездившись в прибрежной резьбе.

Неказисто кругом, неприглядно,
И суров после шторма прибой,
А полярному сердцу отрадно
Повстречать твой огонь молодой.

Лишь бинокли тебя обнаружат,
Посветлеет в пустынях ночных,
Забывается знобкая стужа
И коварство полей ледяных.

Заколдованный северный ларчик
На далеком скупом берегу
Ты прославишься, бухта Амбарчик,
Честным словом поклясться могу!

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ЧУКОТКЕ

Серебряные тучи,
Эмалевые горы,
Береговых излучин
Чеканные узоры.

Я полон недоверья:
Ужели полночь это?
Но облачные перья
Не потеряли света.

А на часах двенадцать,
И где-то дремлют люди,
И сны кому-то снятся
Такие ж, как повсюду...

Мне третью ночь не спится.
Гляжу замороженный:
Чудесный свет лучится,
Бессмертием рожденный.

В теплеющем заливе
Заснувшего китенка
Волна неторопливо
Качает, как ребенка.

А дальше мать-китиха,
Полна большой заботы,
Фонтан пускает тихо
Под синие высоты.

С волною вместе лодки
На отмели вкатились,
И вот земля Чукотки,
К которой мы стремились.

Мой брат или мой пращур,
Не знаю, кто встречает,
А сердце бьется чаще
И другу отвечает.

Нам радостны приветы
Полночной этой жизни,—
Не ею ли согреты
Окраины отчизны?

Чукотские просторы,
Задымленные кручи,
Эмалевые горы,
Серебряные тучи.

ЛЕДОВЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Серые мокрые птицы
На борт садятся рядами.
Тусклое море дымится,
Сжатое грузными льдами.

Сея колючие иглы,
Тучи темны, как берлоги.
Ранняя осень настигла —
Пройдено лишь полдороги.

Тяжко вздыхают машины,
Гулко грохочет железо:
Рвет голубые плешины
Вздыбленный нос ледореза...

В бочке, на мачте гудящей,
Вахту несущую ледовую,
Словно бы в люльке висящей
Мчусь в пустоту штормовую.

Льды, и разводья, и тучи
Видно отсюда, как в горки.
А в телефоне хрипучи
Штурмана скороговорки:

— Как там?

— Да так, ледовито...

— Ладно идем?

— Без сомненья...

Мачта гудит басовито,

Судно полно нетерпенья.

Мне хорошо в непогоду:

Вахта на бочке — по нраву.

— Ходу, товарищи, ходу!

Нас не догнать ледоставу.

ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

Где рвутся свирепые норды
И низкою кажется высь,
Медвежьей, ощеренной мордой
Обвал опускается вниз.

И медленно в зеве обвала
Валами вскипает вода,
А небо куда-то прогнало
Свои голубые стада.

Кричат одиноко гагары
Над гладью застывшей воды.
Уходят в провалы, в пожары,
Полярные синие льды.

На зыбь наступили утесы;
Велик и суров океан.
Плывет в полыньи и торосы
Холодный, певучий туман.

1929

ОТКРЫТИЕ ПОЛЯРНОЙ ДОРОГИ

Полюс холода!
Черного неба зиянье.
Белых пиков над тундрой чудовищный взлет.
Полюс холода.
Здесь замерзает дыханье,
Спирт густеет, а ртуть превращается в лед.

Заполярье.
По сухим, замороженным тучам
Покатился ущербный осколок луны,
А гранитные глыбы к спадающим кручам
Припаяла, должно быть, рука сатаны.

Край земли!
Тут до дна промерзают озера,
Под сугробами стелется зябнувший лес,
Исполинские скалы огнем разузоря,
Полыхают сполохи с подножий небес.

Там, за тучами, наша легла «автострада»,
Прорубила у каменных мамонтов лбы,
И уже к океану прошли для парада,
В телеграфных шеренгах, стальные столбы.

Многоцветным полотнищем плещет сиянье.
Правда, митинг недолог и скромн на вид.
Да ведь здесь иногда замерзает дыханье,
А сегодня оркестр вдохновенно гремит.

С головой завернувшись в косматые шубы,
Встречный марш музыканты усердно дудят.
Хриповато рокочут латунные трубы.
Цельсий скоро покажет мороз — шестьдесят!
Ну и пусть его!
Вспыхнула алая лента:
Путь-дорога открыта.
Две сотни машин,
Нахлобучив на дверцы щиты из брезента,
Полетели по ветру на гребень вершин.

Возле моря мы будем еще спозаранок,
Над хребтами сполохи зажгли светофор.
Полюс холода нынче простой полустанок,
И его замечает не каждый шофер.

ПОЛЯРНОЕ ЛЕТО

На бледном небе, плавающем в зное,
Встает прозрачность солнечного шара,
И даже в полночь — небо золотое,
И берега в сверкающем пожаре.

Стеклянной зыбью взбученное море
В нагретый полдень манит на купанье,
Цветет прибой в причудливом уборе,
И на песке — холодное сиянье.

Поселок пусть. На ловле поморяне,
Сырые избы выбиты ветрами.
Глухая верба падает и вянет
От зыбкой почвы, высланной камнями.

Чужие сети сушатся на палках
И пряно пахнут рыбою и тиной,
Седой помор проходит вперевалку,
Согнув свою натруженную спину.

А за поселком тундровые дали —
Олений мох на солнце серебрится.
Там, на озерах, гуси задремали,
И мошкара над кочками клубится.

В торфяники, за летним поселеньем,
Я прохожу сбивающимся следом.
Потоптан вереск стойбищем оленьим,
Дымятся сажей чумы самоедов.

Я возвращаюсь к полночи обратно:
У берегов карбасы на причалах,
Теплеет взморье бронзою закатной,
А солнце снова в окна постучало.

Белеет ночь. С далекой рыбосолки
Доносит ветер запахи трески.
Мои собаки тощие, как волки.
Несут оттуда рыбные куски.

Иду туда. Там мурманские бабы
Ведут напевы сказочных былин,
В сырых корзинах ракушки и крабы,
А в бочках — мякоть жирных палтусин.

Тресковый пласт и водорослей плети
Мелькают в бойких жилистых руках...
Улов хорош. И завтра на рассвете
Суда уйдут на полных парусах.

И впереди, пузатыми бортами
Вспугнув казарок утренний полет,
Ударит воду пенными валами,
Пока единственный, моторный бот.

1927. Мурманск

ЛЕДЯНЫЕ САДЫ

И тучи, и ветер,
И всплески воды.
В далеких просветах
Лиловые льды.

Белесые чайчи
На каменный мыс
Разбитую стайкой
Легко пронеслись.

И чудится мне:
У зеленой воды
Цветут в тишине
Ледяные сады.

Высокие горы
На Новой Земле
Холодным простором
Застыли во мгле.

Сквозь синий туман,
Неизмерен и дик,
Ползет в океан
Первобытный ледник.

Чудовищной льдиной
С обрывов и скал
И белый, и синий
Грозится оскал...

Причудливей снов,
А льды расцветают
И отблеск сверкает
В разбеге валов.

Пингвин не кричит
У зеленой воды.
И время хранит
Ледяные сады.

1926. Мурманский Берег

ДРУЗЬЯ, СЕВЕРЯНЕ

АРКТИЧЕСКИЙ ПОРТ

Отбив атаку мутного прибоя,
Стеной гранита поднят волнорез.
Знакомый флаг на мачте китобоя
Летит под сводом низеньких небес.

Частенько тут спасаются в отстое
Захваченные бурями суда.
На побережье, некогда пустое,
Глядит, дивясь, Полярная звезда.

Еще причалы камнем не обуты,
Вода глотает щебень и бетон,
А к нам уже проложены маршруты,
Вступает в строй арктический затон.

Мы ставим порт у самой дальней грани,
На стыке вновь открытых берегов,
Где по утрам мираж рассветной рани
Мостит пролив кусками облаков.

Мы ставим порт — приютом и заслоном
От штормовых внезапных непогод.
Под этим тусклым, темным небосклоном
Не заскучает больше мореход.

На край земли, к распахнутым воротам,
На перекресток сумрачных морей,
Выходят в рейс по северным широтам
Флотилии советских кораблей.

Дорога им по дедовскому следу,
По маякам постов передовых,
Где, трудовую праздную победу,
Зажглись сиянья бухт сторожевых.
И новый порт войдет в сиянье это, —
Его огнями льды озарены;
Дыханьем нашим будет обогрето
Строительство окраины страны.

ПОДЪЕМ МОРСКОГО ФЛАГА

Корабельное время пришло на побудку,
Заливается боцманский свист:
Старый друг мой рокошет неистово в дудку,
По утрам он всегда голосист.

Вишь, как рывкнул у самой каюты!
Это значит, чтоб я не проспал,
Чтоб одеться успел за четыре минуты
И к поднятию флага попал.

Повинуясь порядку большого похода,
Торопливо бегу на корму,
Где упругие волны с бортов парохода
Снеговую трясут бахромю.

Море нынче в зыбучем, слоистом тумане,
И опять запоздала заря.
Только боцманский свист никогда не обманет.
И вставал я так рано не зря.

Как торжественны люди на вахте рассветной!
Вот ударили склянки. Гляди...
На железную мачту, родной и заветный,
Поднимается флаг впереди.

Он над судном парит золотыми огнями,
Герб отчизны могуче подняв.
Он, как солнце, свободно проходит морями,
Непогоду в пути обогнав.

Потому-то торжественно замерли люди
И у всех потеплели глаза.
Никакая пурга нас теперь не остудит,
Никакая не сломит гроза.

Поднят флаг.
А заря, как всегда, поздновата.
Хлещет ветер знобящей струей.
В этот час сухопутное сердце солдата
Побраталось с матросской семьей.

КОМАНДИР ЛЕДОКОЛА

Будь я скульптором, честное слово,
Изваял бы его фигуру.
И гранит, может быть, сурово
Воплотил бы в себе натуру...

Вот он встал у командной рубки,
В задубелом морском кожане.
Горьковатым дымком из трубки
Потянуло в ночном тумане.

Седоватые брови хмурия,
Он читает радиосводки,
Где обещаны снова: буря
И сплошной ледогон с Чукотки.

Командиру это не в диво.
Пепел трубочный выбив за борт,
Принимает он терпеливо
Новичка аварийный рапорт.

Новичку первый рейс не шутки,
И на сердце, ей-ей, тревожно.
Дрейф идет уже третьи сутки.
Зазимует? Да разве можно?

Трое суток рычат турбины.
На винте обломилась лопасть,
Под кормой громыхают льдины
И бездонная бьется пропасть.

Меднолицый, широкоскулый
(Острый глаз в голубом накале)
Командир наш, всегда сутулый,
Распрявился вдруг на аврале,

Словно вырос он как-то сразу.
Даже поступь потяжелела.
Все послушно его приказу —
Он хозяин души и тела.

Все живое на ледоколе
Поднял дух командирской силы.
Подчиняясь могучей воле,
Вахты смен себе не просили.

Мне теперь будет долго сниться
Дрейф ночной возле скал Чукотки:
Мокрый ветер и снег в ресницах,
Луч прожектора,
Скрип лебедки,

И высоко, над верхней рубкой,
Я увижу и через годы
Силуэт человека с трубкой —
Победителя непогоды...

БЫВАЛЫЙ ПОЛЯРНИК

Не так чтобы молод, не так чтоб и стар,
А за плечами — семнадцать зимовок.
Лицо прокалил медно-красный загар.
Он в кителе новом подтянут и ловок;

Походка пружинит, стремителен взгляд,
Могучие плечи высоки и круты.
Ему непривычен парадный наряд,
И тесно, должно быть, в коробке каюты.

Он ходит по палубе, словно на льду.
Машистая поступь ложится проворно,
Таковыми шагами сквозь ветер идут,
Сквозь смерть преходят легко и упорно.

Как изморозь, в темных висках седина.
Ну что же, не красят года и тревоги,
Зато вот душа молода и сильна,
Всегда наготове в любые дороги.

Семнадцать зимовок на картах страны —
Семнадцать форпостов в безлюдье обжито.
Теперь там на рейдах огни зажжены,
Холодное море для жизни открыто.

И уж не туда ли глядит он, назад,
Волнуем одной неотступною думой:
Зимой ледоставы опять пригрозят
Становью, открытому в бухте Угрюмой.

Как справятся новые люди с пургой?..
Успеют ли грузы убрать от припая?..
Он пристально смотрит на берег нагой,
А там уже первая дымка слепая.

Снежит нынче рано, термометр упал,
Скупая заря полусумраком стерта...
Сейчас начинается первый аврал:
Матерые льды лезут с правого борта.

В тяжелую вахту он с нами пойдет.
На отдых он едет, да мало охоты:
Бывалый полярник семнадцатый год
Не может и часу прожить без работы.

ОХОТСКИЕ ЖИТЕЛИ

Охотское — море,
Охота — река,
И город Охотском зовется.
И песня в Охотске поется:
«Охочему люду работа легка,
С охотою легче живется...»
На голых песках поднялся городок.
Ни камня, ни деревца нету,
А славен по белому свету.
Он сторожем вышел на Дальний Восток,
Поставил на взморье отмету.

Его подмывала шальная вода,
Морские пески заносили,
И ветры избушки сносили.
И что же? Охочая воля тверда, —
Другую судьбу не просили.

Три века растет городок да растет,
Ядреный, задорный, двужильный,
Добычей всегда изобильный.
И нынче живет в нем веселый народ,
И нет там души слабосильной.

Охочие люди в Охотске живут —
Ловцы, пушники, китоловы.
У всех у них песни готовы.
А песни в Охотске недаром поют:
Готовятся, значит, обновы.

И впрямь, обновляется наш городок.
Надежная радость богата —
Растут и дома и ребята,
И выращен первый кудрявый садок
В песках, пустовавших когда-то.

Четыре домика вдоль берега
Мы нашей улицей зовем.
Ночное солнце моря Беринга
Земле не даст тепла взаем.

Здесь в сентябре зима нечаянно
Сугробы сыплет, как холмы,
И ветер полюса отчаянно
Ткет паутину полутьмы.

Сначала мы скучали истоиво.
Хандра такая, хоть давись.
Потом знакомцами, радистами,
В эфире все обзавелись.

Родилась дружба, пусть заочная
Но и она нам помогла.
Казалась Арктика Восточная,
В таком содружестве тепла.

Мы обживали место новое
(На карте — гиблый уголок).
И небо слишком тут суровое,
И ветер чересчур жесток,

И много было пота пролито
В почти немислимый мороз...
Зато горячим нашим опытом
Согрет арктический форпост.

Все нам родное стало, кровное:
И низкий берег, и дома,
И море мутное, огромное,
И даже чертова зима.

Мы и ее переупрямили!
Уже не год, а скоро пять,
Мы не замерзли и не замерли
И остаемся весновать.

Почему ты, милая, не веришь?

Растворились облачные двери
Распахнулись звездные палаты —
В них цветы прозрачные крылаты,
В них гуляют птицы-голубицы,
Полыхают зори-багряницы;
На столбах червленые узоры
Поднялись в лазоревые горы, —
Высоки широкие палаты,
Терема небесные богаты...
Вот закрылись облачные двери.

Почему ты, милая, не веришь?

Я люблю тебя и не скрываю:
Сотню лет тебя я поджидаю.
Ты моя заветная жар-птица,
Молодая радость-чаровница.
Я тебя искал по белу-свету,
Сомневался, думал даже: нету.
Никогда бы мне не догадаться,
Где с тобою можно увидаться,
Возле льдов ночного океана
Ты жила, царица Несмеяна.
Пусть же сердце сердцу отвечает,
Север нас сегодня повенчает.

Почему ты, милая, не веришь?

Вот открылись облачные двери,
Фонари сверкнули слюдяные,
Поднялись завесы расписные,
Зацвели жемчужные дубравы —
Серебристо-розовые травы;
Золотой ручей ударил в тучах, —
Поднялся шатер на синих кручах, —
Там с тобой мы будем только двое.
Погляди в сиянье огневое,
Торопись, сейчас сомкнутся двери.

Почему ты, милая, не веришь?

ОСЕНЬ НА РЕКЕ ИНДИГИРКЕ

Грозные, сизые гуси
Гулко полощут крылами.
В дымном, полуночном небе
Солнце сгорело дотла.
Зайцы полярные трусят,
Филин гнездует на камень.
Лунный, обломанный гребень
Тушит промокшая мгла.

Сентябрь поднимает погоду —
Гремучую, черную воду,
Чеканит плешивые ивы
Холодным, густым серебром.
Курчавится шерсть горносталя,
Песец голубеет лениво,
Медведь-рыбод на протоке
Хрустит осетровым ребром.

1934. Зимовье Гарга

КРАСНАЯ СМОРОДИНА — ТУНДРОВЫЙ ВИНОГРАД

Н. Тимушевой

Июль! Но и не мыслится,
Что это — краски лета.
Одна лишь только кислица*
Румянцем подогрета.

Все остальное бледное,
Невидное и темное.
Не то чтоб вовсе бедное,
А просто — очень скромное.

Ползучие лишайники
Зыбучи под ногами.
Высокие кочкарники
Бодаются рогами.

У тундрового озера
Моя узорнолистая,
Поспела, светло-розова,
Смородина кустистая.

Всегда холодноватая,
Полярная услада,
Немного кисловатая,
А слаще винограда.

---

* Кислица -- так на всем Севере зовут красную смородину.

Не обижайся, милая,
Ты тоже, словно кислица,
Целуешься, остывая,
Сердитая капризница.

Не первый год супружеству:
Остыть, конечно, надо.
А все ж, скажу по дружеству,
Ты лучше винограда!

ОЛЕКМИНСКАЯ ПРИСТАНЬ

Легки и серебристы
Над Леной облака.
Плывет в туман пушистый
Просторная река.
И вдруг гудок басистый
Запел издалека:
Олекминская пристань!
Олекминская пристань,
Встречай-ка земляка!

И вот легучий, быстрый,
Задорный ветерок
Прорвал туман пушистый
И вдоль и поперек...
С вершины гор лесистых
Спускался городок.
Олекминская пристань!
Олекминская пристань —
Заветный уголок!

Бегут, бегут навстречу
И люди и дома.
Всем сердцем им отвечу...
А где же ты сама?
И где твой шарф цветистый
В девической руке?
Олекминская пристань!
Олекминская пристань
На северной реке.

Подняв свою котомку,
По сходням прохожу,
Смотрю на незнакомку
И слов не нахожу.
Лишь взгляд родной, лучистый
Сказал, что это — ты...
Олекминская пристань!
Олекминская пристань,
Далекие мечты.

В тяжелые годы
Мы закалялись, друг,
Блещат на нас седины..
Но солнечно вокруг.
Черемуха душиста.
Прошла тоска зимы.
Олекминская пристань,
Олекминская пристань
Опять счастливы мы!

РЕЧКА ПОЛЕДУЙ

Наши девушки гуляли,
Песней душу забавляли,
Говорили спящей речке: «Полелуй,
Полелуй скорее, речка,
День весенний недалечка,
Просьпайся, разливайся, Полелуй!..»

Речка в день весны вставала,
Разливалась, ледовала,
Торопилась погулять за берега,
Лед зеленый, синий, белый, —
Словно мед цветистый, спелый —
Растекался на елани и логã.

Этот лед не скоро стает.
Но с ним рядом вырастает
Разузоренный неведомый цветок.
Он бутоны распускает,
Теплым кружевом сверкает
Синевато-серебристый лепесток.

В речку тот цветок глядится,
С нею именем роднится,
И зовут его девицы — «полелуй».
Полелуй — цветок привета,
Радость северного лета,
Подарили мне на речке Полелуй.

Если грусть туманом ляжет,
— Полелуй,— мне сердце скажет,—
Путь твой будет по-весеннему широк.
А когда растают льдины,
Сгинут горькие години,
Песня вырастет, как радостный цветок.

1945. Якутия

ЗИМОВКА НА ОСТРОВЕ УЕДИНЕНИЯ

Ты теперь далеко.

И мне трудно поверить, что ты существуешь,

Что на свете есть город и в городе дом,

Где ты пишешь мне письма, что будто бы ждешь и тоскуешь,

И тоскуешь всегда обо мне, об одном.

Здесь так тихо.

И ночью мне слышно, как падает иней, —

Он стучит за окошком сильнее градин.

Тишина, словно купол висит над угрюмой пустыней.

Я ночами не сплю. И со мною всегда карабин.

А чего здесь бояться?

Кругом тут ни зверя, ни птицы.

Третью зиму не вижу хотя бы песцовых следов.

Только в небе трепещут узорные сны-небылицы,

Не сгорая, пылают осколки мерцающих льдов.

Тосковать здесь нельзя.

А скучать и совсем невозможно.

Лишь весной, когда ураганы сурово трубят,

Я никак не пойму, отчего иногда мне уж слишком тревожно?

Не с того ли, что я — постарев — забываю тебя.

Лучше ты и не жди.

Возвращаться мне было бы трудно.

Я люблю эту землю, окраину светлой страны.

Здесь полгода темно. Но желанье мое безрассудно:

Приезжай! Может быть, мы остались друг другу верны?

1945. Якутия

ВЕСНА В БУРУЛЬЗАЕ

Белокрылой птицей над горами
Предвесенний радующий день...
Молодыми острыми рогами
Постучался в юрту мой олень.

Выхожу, а солнце мне навстречу
Протянуло теплые лучи.
— Здравствуй, друг мой! — солнцу я отвечу...
И олень копытом застучит.

Положу седло ко кумулану,
Кушаком заправлю голубым,
Перекину за плечи бердану
И поеду в гости на Витим...

Там живет хорошая, такая —
Поневоле можно полюбить.
Соболиной бровью засверкает,
Как увидишь — больше не забыть.

Вот приду и встану на пороге,
Расстелю цветистый кумулан.
Если ей со мною по дороге,
То с женой приеду на суглан.

Подарю ей шкуру горностаю,
Коготь рыси, лебеда крыло,
Чтобы вместе с песней вырастая,
Наше счастье солнцем расцвело.

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ В СЕРГЕЛЛЯХЕ

Сыну моему Рюрику

Теплые ручья на Сергелляхе,
Теплая веселая трава.
Небо в розовеющей папахе
В полночь затуманится едва.

Солнце не спускается за горы.
Березняк густеет с каждым днем.
Северные дальние просторы
Зеленеют бархатным руном.

И с утра до позднего заката
Радостно в Якутии везде.
Смуглые колхозные ребята
Плещутся в сиреновой воде.

Лагерь пионерский на пригорке,
Будто муравейник, хлопотлив.
И горнист трубит на каждой зорьке,
Жаворонка песню повторив.

В трусиках и в маечке с заплаткой,
Почернев на солнышке, как грач,
Перед штаб-квартирною палаткой
Бойко заливается трубач.

И, послушно детскому сигналу,
Лето продолжает свой поход:

Солнце, подготовившись к привалу,
Снова поднимается, идет.

В ливнях согревающего света
Длится благодатная пора.
Зорькой пионерскою согрета,
Наша подрастает детвора.

Перед штаб-квартирной палаткой
Будущность выходит на дозор:
В трусиках и маечке с заплаткой,
Маленький трубач сигналил сбор.

ЛЕНСКИЕ СКАЛЫ

Скалы? Нет, не похоже на скалы.
Допотопные чудища в ряд
Поднимают крутые оскалы,
Всеми красками радуг горят.

Горы? Нет, не похоже на горы.
Это — башня, дворцы, терема,
Колоннады, террасы, соборы,
Минареты, гробницы, дома...

Ты мне скажешь, утесы? Да что ты!
Это стадо летучих коней,
Носороги, слоны, бегемоты...
Ты толкуешь: «Причуды камней».

Но вот это, конечно, не камни!
Это витязь с разбитым щитом
Упирается в небо руками,
Нахлобучив гранитный шолом.

Там, подальше, стоят великаны:
Опустившись по пояс в тайгу,
Иступили свои ятаганы
И оставили на берегу.

Видишь, лезвия? Здесь воевали!..
Даже солнце в янтарной броне.
На секирах насечки пропали.
Только копья еще хороши!

Высоко они в небо взлетели
На уступах расколотых плит.
Сто веков и в жару и в метели
Это ленская стража стоит.

Так-то, друг мой! А ты равнодушно
Бормотал о причудах камней.
Целый день мы глядим — и не скучно
Пассажирам речных кораблей.

Загляделось на ленские воды
Даже солнце в янтарной броне.
Чудеса богатырской природы
В богатырской советской стране!

ОКНО В НЕБЕ

Косматые тучи, как шкуры медвежьи.
На Лене студеная рябь.
А годы скучают в морозном бесснежье,
И птиц угоняет сентябрь.

Весь день торопливые стаи мелькают.
И в криках прощальная грусть,
Как будто они и меня зазывают.
Но я... зимовать остаюсь.

...Закат в этот вечер был вовсе не виден,
Совсем становилось темно.
Глядел я на небо в жестокой обиде.
А в небе открылось окно.

Окно золотисто-лазоревой дали,
Ступенька к порогам высот,
Улыбка, которую больше не ждали,
Надежда, что сердце несет.

И пусть лишь недолго окошко светлело,
Пусть тучи сомкнуться грозят:
Мне кажется, будто в тайге потеплело
И птицы вернулись назад.

В тяжелые дни, сквозь заботы и горе,
Откроется счастья окно, —
Взгляни на него, как в широкое море,
Где плыть и тебе суждено.

УТРО НА ВИТИМЕ

Ветер северый, дунь
На реку —
На Тулдунь!
На таежную' гарь
Снегопадом ударь!

Тучи спят на горах,
Холодны и темны.
В ледяных валунах
Желтый коготь луны.

Ты, звезда моя, встань,
Слушай бег падунов!
Бубном бьет глухомань —
Черный гром с берегов.

На медвежьем следу,
По расщелинам льда
Рвется в горы Тулдунь —
Голубая вода.

Ветер западный, дунь
На реку —
На Тулдунь!
Смолью пахнет сосна,
Входит в горы весна.

Родниковой водой
Разольется река,

Золотою слюдой
Заблестят облака.

Подрывая гранит,
По ущельям глухим
Водопад загремит
И сорвется в Витим.

Так и песня моя,
Голос северный мой,
Славит наши края,
Льется теплой волной.

И навстречу весне
По дорогам глухим
Наяву и во сне
Половодит Витим.

1936. Талдунь — на Среднем Витиме

КОНЕЦ АВГУСТА

Ветра затейные игры
Стали колючи и хмуры.
В зелени рыжие тигры
Прячут пятнистые шкуры.

Каплями желтого воска
Лиственницы стекают.
Гуси стремительно-броско
В темных озерах мелькают.

Скошены поздние травы,
Утром кудрявится иней.
Горы стоят крутоглавы
В дымке задумчиво-синей.

Время готовить винтовку.
Ночи беззвездны и глухи.
Завтра взлетят на зимовку
Пышные белые мухи.

ЗАМЕРЗШИЕ ЗВЕЗДЫ

Хочешь, я надену старые пимы,
Медвежью шапку и оленью шубу,
И если фотограф умело снимет, —
Я выйду на карточке резким и грубым?

Таким я бывал в полярных походах...
И сердце мое тебя повстречало,
Когда замерзшие звезды качало
Над мертвой палубой парохода;

Когда к прикладу примерзли пальцы,
Мы оттаивали над примусом, —
Помнишь, конечно?

Та зима показалась бы холодом вечным,
Но в горах мы нашли горючие сланцы.

Нет! Унеси этот мех обратно.
Я чувствую, север зовет меня.
Тише!..

Высокое небо в мерцающих пятнах,
И где-то тюлень над прорубью дышит...

Что мне толкуют врачи о болезни,
Весною поеду в Чаунскую губу —
Северный воздух курорта полезней...
Стой! Не укладывай старую шубу!

СТРОИТЕЛЬ ДОРОГ

Стихла апрельская вьюга,
Изморозь пахнет весной.
Встретив как старого друга,
Сердцу родная округа
Снова зажгла надо мной
Звезды Полярного Круга.

Около первой зимовки
Нынче шумит городок.
Северных дебрей обновки —
Следом давнишней кочевки,
Взрыхлив зеленый ледок, —
Тракторы вышли с ночевки.

Путь им теперь без помехи
Мы проторили — навек!
Помню я: редкие вехи,
Хлипких палаток прорехи,
Лагерь на пустошах рек,
Взрывы горы-Кигиллехи*.

Стиснув трясины гнилые,
Дамба до моря легла.
Там в зыбуны снеговые
Камни мы клали впервые,
Песня на подвиг звала,
Плавились льды вековые.

---

*Кигиллехи — каменные столбы.

1

Как далеки эти годы!
Весны уходят вперед.
Слышишь, гремят ледоходы,
Полые ринулись воды:
Наша дорога ведет
Новую смену в походы.

Пусть же апрельская вьюга
Сыплет в виски сединой.
Встретив как старого друга,
Сердцу родная округа
Снова зажгла надо мной
Звезды Полярного Круга.

БАЙКАЛЬСКОЕ СЕРДЦЕ

■

1

...Славное море — священный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалечка...

С этим напевом,
Покинув тюрьму,
Беглый варнак
Забивался в тайгу.
Ночи аукались
В дремную тьму,
Соболь подстреленный
Стыл на снегу.

Бьёт Ангара
На разлив Енисея,
Вспугнутый ворон
Упал между скал.
Строем этапов
Проходит Расея
Путь столбовой:
Пряником на Байкал.

Скрипы телег. Бубенцы. Конвоиры.
— Эй, приготовь поселенцам квартиры!

Спины сутулые греют прикладом:
Встреча в Сибири готова — что надо.

— Здравствуй, мятежник
Бездонный Байкал!..
Слесарь путиловский цепь расковал,
Шапкой слезу одинокую вытер:
— Что ж, до свиданья, расстрелянный Питер.

Кличет империя: «Слово и Дело!»
Песня набатом в тайге загудела:

Славное море —
Священный Байкал.
Вшивый барак —
Александров централ..

2

Море уносит ловецкую лодку,
Ветер грызет паруса.
Эй, поселенец, веди мореходку,
Сеть приготовься бросать.

Тёмные бездны взрывая горами,
Камень водой напоив,
Море гремит водяными буграми,
Полчищем взмыленных грив.

Ветхий корабль — омулевая лодка,
Вёсла с кормы унеслэ;
Завтра по мужу заплачет молодка,
Тяжко его ремесло.

...Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь...

.....

Вышел беглец из тайги у Байкала,
С песней срубил лиственничный шалаш,
Волчьих щенят приручил за собак,
Лодку смастачил, повесил ягдташ;
Был каторжанин, а нынче рыбак.

БАЙКАЛЬСКОЕ СЕРДЦЕ

Марку Азадовскому

Говорят, Байкал — седой!
Ты не верь,
Он такой же молодой
И теперь.

Это ты, мой милый друг,
Стал сесть,
И тебе уж недосуг
Песни петь.

Острова лазурной мглы
Далеки.
Стали весла тяжелы
Для руки.

В бурю парус озорной
Не поднять,
Серых чаек над волной
Не гонять.

Постарели мы с тобой
Навсегда.
Но шумит, поет прибой,
Бьет вода.

Молодой вскипает шквал
В устьях рек.

**Дышит вечностью Байкал
Сотый век.**

**Погляди же на него,
Будь таким,
Волей сердца своего
Молодым.**

**Нашим мужеством сильна,
Жизнь зовет.
Пусть же в душу седина
Не войдет.**

1944. ст. Байкал

ПРИБОЙ НА ОСТРОВЕ ОЛЬХОН

Пушечный сдвленный гром,
Наковален тягучий звон.
Это байкальский шторм
Рвется на остров Ольхон.

Полчища пенистых грив,
Взмылив крутой прибой,
Камень водой напоив,
Ревут боевой трубой.

Ударь, ударь, ударь!
Тверд и могуч Ольхон;
Гранитом одета ярь
Его четырех сторон.

В разбег,
В набег,
В разгон!
Раскачивая волну,
Обрушивай тысячи тонн
На каменную вышину.

Удар! Удар! Сильней!
Рушится пеной прибой.
Камень воды верней —
Он принимает бой.

Так бы и мне стоять —
Грудью ветрам в упор,

**Темные волны мять,
Славить родной простор.**

**Твёрдость у камня взяв,
Остров Ольхон, с тобой,
Бурям преградой встав,
Я принимаю бой.**

1941. о. Ольхон на Байкале

ЗИМНЯЯ ПУТИНА

Зимний лов на Байкале хорош,
Хороша промысловая страсть!
После пышных декабрьских порош
Лучше дела себе не найдешь!
Знай почаще посматривай снасть.

Я люблю это время, мой друг!
Голубые дымят берега,
Облака, уплывая на юг,
Теплый пух осыпают вокруг.
Как невеста, нарядна тайга.

А в заливах, под скатертью льда,
Под холстинами гладких снегов,
В прорубях загустела вода,
Невидимки плывут — невода,
Урожайный снимают улов.

Закруглились сиговьи хребты,
Омулевые жирны бока, —
Рыбы стаи нагульны, густы...
Погляди да порадуйся ты
На удачливый труд рыбака.

Возле наших колхозных шатров
Малолюдно в такие деньки.
Поварихи ворчат у костров,
Что обед самолучший готов,
Да никак не идут едоки.

Разгулялась ловецкая страсть,
И ничем ты ее не уймешь...
Время солнышку в горы упасть,
Торопись, пошевеливай снасть.
Зимний лов на Байкале хорош!

УХОД ЛЬДОВ

Среди зимы бывает так:
Уходит лед,
Как будто кто-то подал знак --
Весна идет.

Еще вчера мертвела тишь,
А нынче гром.
И удивленно ты глядишь
На мир кругом.

Гудит мятежница вода,
Свободно ей.
И ты забыл про холода,
Тебе теплей.

Твои надежды и мечты
Свободны вновь,
По-молодому веришь ты
В свою любовь.

Назавтра штормы взгромоздят
Обратно лед,
А у тебя спокоен взгляд:
Весна придет!

Взгляни, скорей взгляни сюда!
Стремительно скользит вода —
Зелено-синяя руда;
Огромный, рвущийся поток,
Тугой, прозрачный завиток
Слюдой кипучей засверкал...
Здесь обрывается Байкал...
Упруго вздрогнув в шиверах,
Качая сосны на горах,
Вздувает волны Ангары;
Земля дрожит, вода звенит,
В песок стирается гранит...
Увидев синюю реку,
Конь застывает на скаку.
Его напрасно всадник гнал,
Потока он не обогнал,
Конь запыхался и устал.
Но не устанет никогда
Легкобегущая вода,
И никогда тяжелый лед
Ее разбег не оборвет.
Светла, могуча, широка,
Прекрасна ты, моя река,
Любовь и гордость рыбака...
Но я хочу, чтоб твой разбег
Взнуздал упрямый человек,
Чтоб над окраинной земли
Сиянье радуги зажгли.

АНГАРА

Облака темны и гневны
Дождь несут из-за горы.
Лиственничные деревни
Возле самой Ангары.

Избы водят хороводы
По излучине реки,
Провожают пароходы,
Окна — будто светляки.

Настежь ставни расписные,
Медом крашены сухим;
И поют-поют резные
На воротах петухи.

Раздувает зыбкий ветер
Туч тяжелые следы,
Шевелит рыбачьи сети
На краю седой воды.

Падуны, разбрызгав пену,
Бьются с ветром грудью в грудь;
И на каменную стену
Села чайка отдохнуть.

Хорошо мне в мире этом
Плыть с рыбачкой молодой,
Поцелуями согретой,
Между небом и водой.

ПОСЛАНИЕ С БАЙКАЛА

Мы вместе ходили в море,
Разматывали невода.
Для нас в ледяном заторе
Тюленьи паслись стада.

Мороз и студёный ветер, —
К ним сердце свое приучу.
Все бури, что есть на свете,
Мы встретим плечом к плечу.

В погоду и в непогоду
Добыча от нас не уйдет.
Для нас, сквозь свирепую воду,
Густел омулевый ход.

Для нас серебрились белки.
Гусыни кричали с гнезд.
На отмелях, в бухтах мелких
Купалить узоры звезд.

Мы вместе на черных скалах
Ловили живьем соболей,
Под парусом вдоль Байкала
Прошли, не боясь камней.

О, молодость песен весною!
Мечта и любовь моя!
Удача идет со мною,
Со мною идут друзья.

И там, где бываст туго,
Они помогают мне.
Мы держимся друг за друга
И нет нас нигде сильней.

По крови семья не родная,
Но родственней в мире нет.
В знакомцах себя узнавая,
Не вижу чужих примет.

Над синей байкальской чашей.
Прочнее гранитных скал,
Основою жизни нашей
Колхоз промысловый встал.

И нынче в любимой теме
Ударит напев волной.
Я вас познакомлю с теми,
Кто рядом идет со мной.

За молодость нашу, за славу,
За наш и отцовский труд
Былинный Байкал по праву
Советским теперь зовут.

ПЕСНЯ

Ветер, падающий с гор,
Полунощную звезду,
Кедров шумный разговор,
Блеск зари в зеленом льду,
Тонкий запах летних трав,
Щебет птиц на берегу, —
Жадной памятью собрав,
Все на сердце сберегу.
Это мой Байкал встает,
Первобытный мир чудес,
Мир распахнутых высот,
Опрокинутых небес.
И повсюду предо мной
Голубая глубина,
Ветром зыблемый покой,
Отраженная волна.
Я хочу таким же быть,
Как и ты, отец Байкал,
Вечно двигаться и жить
Сохранить, что мир мне дал.
Я хочу, чтоб голос мой
Не дрожал и не старел,
Чтобы песенный прибой
Маяком всегда горел,
Чтобы вность, закипев,
Как прозрачная волна,
Поднимала мой напев,
Горделива и сильна.

ОМУЛЕВЫЙ ЛОВ

Желтый полог небес,
Будто шелк на заре.
Дым туманный исчез,
И вода в серебре —
В серебре от зари,
От светлеющих гор.

На становье горит,
Затухает костер.
Мы идем налегке,
Лодки словно летят.
В сетевом поплавке
Брызги света блестят,
Брызги света кругом.
Весла режут хрусталь...

За песчаным бугром
Раскрывается даль.
Заскрипели рули —
Круговой поворот.
Это сеть повели
Из сверкающих вод.

Из сверкающих вод
Омулевый нагул,
Рыбы вспугнутой ход
Бригадир повернул.

Поплавки на бортах,
Тяжелей бечева.
Первый омуль в руках.
Сеть не рвется едва.
Сеть добычей полна, —
Рыбы стаи густы..

Голубая волна
За кормой шелестит:
— Славься, мыс Онгурен!
Вы, круты берега!
Омуль ровный ядрен,
Чешуя — жемчуга;
Чешуя — жемчуга,
Омуль вешних путин.
Водяные луга,
Жатва синих глубин.

На восходе у скал
Якоря загремят:
— Славься, море Байкал,
Урожай твой богат!

НАСТЕНЬКА-РЫБАЧКА

Хороши рыбачки на Байкале, хороши...
Молодые девушки, как сосенки,
Все такие скромные, степенные,
Ниже пояса висят тугие косыньки,
На лицо — русалки белопенные.
Хороши рыбачки на Байкале, хороши.

Поглядишь, — пожалуй, заглядишься ты.
И глаза у них у всех русалочки:
Голубые звезды да зеленые;
Брови ровные, как крылья галочки,
Губы алым солнцем опаленные.
Поглядишь, — пожалуй, заглядишься ты...

Много сказок сложено про девушек.
Говорят, была богиня древняя,
Афродита, — в пене волн рожденная.
Может быть... Но вот былина верная:
И у нас есть на-море найденная...

Много сказок сложено про девушек.
Наш рассказ не сказка и не вымысел.
Вот идет в прибое наша Настенька, —
Уродилась девушка бездомная,
Раньше ей бы горе-жизнь злосчастная.
А у нас она, как дочь приемная.
Наш рассказ не сказка и не вымысел.

Это было в годы партизанские.
На Байкале выловили лодочку
И нашли в ней лапотки крестьянские
Да девчонку чью-то, одногодочку.

Кто она без роду и без племени?
Так судьба ей, видно, насудачила.
Окрестили Настей в скором времени.
Подросла — и с нами зарыбачила.

Всем селом сиротку мы лелеяли...
Одевали — с миру по холстиночке.
Злую долю по ветру рассеяли,
Улыбнулось солнце сиротиночке.

И она росла, как зорька ясная,
Весела, пригожа и улыбчива.
Знать, была забота не напрасная,
Человечьей бедности отзывчива.

Нынче Настя — знатная колхозница.
В неводьбе за нею не угонишься.
Замуж время, девка только скромница.
Да такой ведь просто не поклонисься.

Погляди, в прибой идет за неводом,
Волны бьют и дождик сеет ча́стенько,
А она... Ну, что ей волны — невидаль!..
Погляди, красива наша Настенька?

Разве хуже той богини греческой,
Афродита — девушка ловецкая?
Сам Байкал волной своей отеческой
Колыбель ее баюкал детскую.

Погляди... Глаза блестят зеленые,
Под платком тугие косы спрятаны,
Щеки алы, ветром накаленные.
Рукава до плечиков закатаны.

Погляди, какие руки белые!
На ладонях — тут мозоли честные.
Трудовые девушки, умелые,
По всему Байкалу всем известные.

Поклонись! Да долго не заглядывай.
Не влюбись! Любовь ведь трудно вывести...
Так и быть, скажу тебе, угадывай:
Женишок находится поблизости...

Бригадира видывал на катере?
Поликарп! Жениться собирается.
Гармонистов будет, слышишь, пятеро.
Нынче ловля свадьбой закрывается.

Пара будет — лучше и не встретится.
Поликарп и Настя, это — да!
Вот она идет, как зорька светится...
Не гляди-ка, друг ты мой, туда.

МОЯ ПРАБАБУШКА УСТИНЬЯ ИЛЬНИЧНА

Знакомы вы с моей пробабкой?
Не знакомы?
И на Байкале не бывали? В первый раз?!
Так будьте гостем!
Милости прошу в хоромы,
Вы встретитесь с прабабушкой сейчас.

Я думаю, полюбите мою старушку.
Устинья Ильнична —
На всем Байкале знатный человек...

Мой прадед здесь построил первую избушку,
Прабабушка — второй считает век.
Тут, на Байкале, люди кондовые,
По паспорту ей сто четыре,
А она твердит праправнукам,
Что годы молодые,
Что все моложе стали в наши времена.

Беззубая, вы говорите?
Ну так что же
Да вот у вас —
Зубные пломбы в тридцать лет...
Мне иногда прабабка кажется моложе
Душою многих молодых...
Фантазия, — вы скажете, — поэт.
Но бытиё Устиньи Ильничны — это повесть,
Простая и прекрасная, мой друг.
Сто лет у ней чиста младенческая совесть,

Ее не тронул гложащий недуг
Тоски или сомненья. Нет, —
Она жила недаром...

Безродная батрачка, сирота,
Она жила в соломе под амбаром,
Ее кормили голь и нищета
Суровым подаяньем —
Черным хлебом.
(Байкальская вода была ей молоком.)
Когда весна ее пришла, под звездным небом
Сошлась моя прабабка с рыбаком.
То был мой прадед,
Поселенец ссыльный,
По слухам, из помещичьих крестьян.

Он полюбил Байкал, просторный и обильный,
И здесь, на пустыре, поставил первый стан —
Бревенчатую, мшоную хибарку.
Здесь поселился он,
И выросла семья.
На каждый год жена носила по подарку
Прапрадеду: то дочь, то сына...
Вот вам родословная моя.

Сейчас в колхозе есть у нас бригада —
Засольщицы старухи.
Ну так вот.
Шесть бабушек, работающих рядом,
Мои родные,
Наш — известный род.
По всей округе ходит наше племя,
В колхозных станах ловит омулей.
И говорит прабабка: «Нынче — время,
Еще бы народила сыновей;

Для всех теперь, глядишь, нашлось бы место
И счастье бы для каждого нашлось...»

Скромна моя прабабка.

А известно,

Как трудно ей молоденькой жилось.

Уловами чужими богатели

Лишь прасолы да скупщики.

Рыбак —

До гробовой доски от колыбели —

Поденщиком ходил за четвертак,

Устинья Ильинична на засолке

Работала с зари и до зари

(Наверно, плакала от мужа втихомолку,

Мозольные срезала пузыри.)

Взгляните-ка, у ней спина какая:

Полвека, видно, согнутой была

И лишь душа осталась молодая —

Об этом говорят ее дела.

Двадцатый год мы помним!

Бедовала тогда Сибирь.

Прабабушка моя

С отрядом партизан прошла кругом Байкала,

И вместе с нею шла ее семья.

Все партизанили: отцы, дядья и деды,

Все под огнем мужали и росли.

И наши матери знаменами победы

Грудных ребят в боях с собой несли.

И правнуков своих в боях носила

Устинья Ильинична.

Народ

Глядел и порешил: ребята — это сила.

Тут даже трус из боя не уйдет.

И, правда, мы не знали поражения,
Хотя и отступали иногда.
(Как зарево — таежные сраженья
И моего мальчишества года.)

На каменном мысу похоронила
Устинья Ильинична мужа.
Прадед спит,
И нынче партизанская могила
Байкальское раздолье сторожит.

...А вот, мой друг, прабабушка. Знакомься!
Беззубая, седая, но у ней
Есть правнуки и внуки, и питомцы —
Опора возмужавших сыновей.
Седые волосы — почетная примета,
А эта поросль — слава и любовь, —
Прабабушка теперь счастлива и согрета,
Ее родная греет кровь.

...Устинья Ильинична не болтлива
И сказочницей вовсе не слывет.
Но если вы не так уже спесивы,
То ласковое слово вам найдет,
Сумеет угостить вас омулями,
Отменной малосольной икрой,
Домашними ржаными пирогами
И даст стакан настойки золотой.

«Черемуховый цвет» — зовется та настойка:
Целебна, говорят,
В болезнях сердца и ума.
Ильинична — большая хлебосолка
И с гостем выпьет рюмочку сама.
Степенно, по старушечьим законам

Она оглянет вас, оценит на-глазок.
«Гостите дольше», — скажет вам с поклоном,
Потом скромненько сядет в уголок.

Прабабушка Устинья глуховата,
Но взгляд имеет зоркий и прямой.
Она житейской мудростью богата
И сразу вас поймет, приятель мой.
Что на душе у вас сегодня,
Сердцем видит,
Что на сердце у вас,
Душой своей поймет,
И никого напрасно не обидит,
И похвалы пустой не раздаст.

Прабабушка еще не — «иждивенка»,
Хотя почетный отдых ей готов.
Байкальская рыбачка-уроженка,
Она ведет почику неводов,
Толкует нам, что скучно без работы,
И рада, что заделье по рукам.

С починкой у нее свои заботы,
И все-таки поближе к рыбакам.
Да! Шутка ли сказать,
Свое оставить дело,
Когда сроднишься с ним...
Прабабушка права.
Работает не быстро, но умело.
Покорна ей тугая бечева...
И нам с тобою надо поклониться
Пониже, попочтительнее
Ей,
Которою Байкал родной гордится,
Как лучшей из наших матерей.

ВЕЧЕРИНЫ

А. А. Кузнецовой

Над Байкалом веют снегопады,
Лебединый пух летит в тайгу,
Мореходок серые громады
Отдыхать легли на берегу.

На гранитных темных крутоярах
Леденеют лапы якорей,
Позабыты неводы в амбарах,
Зимний лов начнется в январе.

А сейчас — досужие зазимки —
Время свадеб, девичьих забот.
Всюду шьют обновки да новинки.
На Байкале так из года в год.

Между двух путин, до ледостоя,
Получив сполна по трудодням,
Веселится племя холостое —
Вся моя байкальская родня.

Рыбаки рыбачки, мотористы,
Бондари, засольщики, гребцы —
Шутники, танцоры, гармонисты
И свои, ловецкие, певцы.

Все народ веселый да задорный,
Закален ветрами и водой.

Как пойдут по улице Подгорной —
Словно лес шагает молодой.

Высоки, стройны, широкоплечи —
В три ряда по улице идут.
К ним выходят девушки навстречу,
Баянистам песню задают.

И звенит над берегом Байкала
Чей-то голос, ласковый такой,
И выходит первый запевала,
Помахавши девушкам рукой.

«Эх, ты, Подгорна, ты, Подгорна
Развесела улица!
На тебе, моя Подгорна,
Милая балуетца.

Выйдет, глянет,
Павой встанет,
Полушалок развернет.
Говорит, что не обманет,
А руки не подает.

Что ж ты павой выступаешь?
Расскажи, куда идешь?
Провожу, коль пожелаешь,
Ты дороги не найдешь».

Распахнув цветные полушалки.
Будто стая сказочных жар-птиц,
Усмехнутся наши молодайки,
Подтолкнут застенчивых девиц.

И пойдет навстречу баянистам,
Раздвигая плечиком парней,
И взмахнет платочком из батиста
Та, чьи косы неченьки темней.

Гордо топнет желтенькой ботинкой,
А потом лукаво, покраснев,
Соловьем заляется невидимкой,
И подхватят девушки припев:

«Ты, Подгорна, ты, Подгорна,
Развесела улица.
На тебе, моя Подгорна,
На меня люблются.

Где ни встану,
Как ни гляну, —
Милый краше не найдет.
Полюблю, так без обману,
Только... пусть он подождет.

Вьет метелица перины,
Широка родная падь.
Мы идем на вечерины,
Разрешаем провозжать».

И пойдут по улице Подгорной
Все мои знакомцы и друзья,
Плясовую поступью проворной
Над обрывом берега скользя.

На мысу, за черными камнями,
Под шатровой крышей новый дом —
Клуб колхозный — светится огнями,
Там сегодня время проведем.

Нынче наши вечерины.
 Торопитесь поскорей.
 Две подруженьки-дивчины
 Встали около дверей.

Всех с поклонами встречают,
 За рукав шутя берут —
 Раздеваться приглашают...
 Что ты делать будешь тут?

Непривычно это дело,
 Да не станешь рассуждать.
 Раньше в шубах мы сидели.
 А теперь велят снимать.

Девки тешатся, голубки.
 В кучу шубы, плушубки.
 Куртки, шапки, рукавицы
 Прибирают молодницы, —
 Так-то лучше и видней,
 У кого костюм модней.

Парни все в суконных «тройках»,
 В пестрых галстуках форсят,
 Все в сорочках-разнокройках,
 И у всех значки висят.

По два, по три, по четыре...
 Вот они, сибиряки.
 Что ни грудь — то выше, шире...
 Ворошиловцы-стрелки,
 ГТО, парашютисты...
 Любо глянуть на ребят,

Принаряжены и чисты,
Вышли будто на парад.

Девки модой щеголяют,
Не уступят городским.
Щеки заревом пылают,
И румян не надо им

Все цвета и все оттенки.
Роза к лебедю плывет.
Ну-ка встанем, друг, у стенки, —
Начинают хоровод.

3

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают,
Ленты пышные блестят,
Платья в танце шелестят.

Пара к паре,
Пара к паре.
Кто-то звякнул на гитаре,
А в углу, наискосок,
Взмыл свирельный голосок:

«Полюбила я его,
Полюбила, милая,
Для него, для одного
Всех других забыла я...»

Три кудрявых баяниста
Развели ладами враз,
И ответил голосисто
Молодой рыбацкий бас:

«Она, моя милая,
Сердце мое вынула,
Сердце мое вынула,
Да в Байкал закинула...»

Тут баяны и гитары
Заиграли сразу — вдруг.
Разошлись, распались пары,
Все танцоры встали в круг.

Звонко хлопнули в ладоши,
Дружно за руки взялись.
Покачнулись,
Развернулись,
Закружились,
Понеслись.
Вправо — влево,
Влево — вправо.
Плясовая мчит забава.
Баянисты-игроки
Поскидали пиджаки.

Обещанья, крики, шутки
Взгляды милые зовут.
Смех, улыбки,
Прибаутки
Подняю
И несут:
Влево — вправо.
Вправо — влево.
Хоровод летит с припевом.
Все играют,
Все поют,
Гитаристы пальцы рвут.

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают.
Четок топот каблучков.
Реют крылья мотыльков —
Реют девичьи косынки.
Хороши вы, вечеринки,
Жарко в сердце бьется кровь.
Радость, молодость, любовь!

1941

СЛУЖБА ПОГОДЫ

СЛУЖБА ПОГОДЫ

Поэма*

1

На месте Кенигсберга встал Калининград.
Советский вымпел плещет в Порт-Артуре.
И я давно как будто не солдат...
Но боевая выучка в натуре.

...Мы держим сердце честно и открыто:
Оно «в запас» не выйдет никогда.
Ничто не будет сердцем позабыто,
Ничто в нем не исчезнет без следа.

2

Ты спишь сейчас на подступах к Петсамо,
Окутанная тундровой пургой.
Мерцающее, радужное пламя
Полнеба опоясало дугой.
Легчайшие, прозрачные пушинки
Над холмиком могильным шелестят.
Согбенные березки-нелюдимки
Сережками хрустальными блестят.
Как холодно!..

А помнишь, как с тобою в институте
Синоптикой мы оба увлеклись,

---

* Поэма печатается с сокращениями.

Погоду изучая на маршруте,
Который нам прокладывала жизнь?

И, помнишь, как потом с тобой мечтали
Уехать на Чукотку зимовать
И пальцами дрожащими листали
Челюскинца знакомого тетрадь?

Пусть до Чукотки мы не дослужили,
Путевки были только на Таймыр.
Тепло нас привечали старожилы,
Лелеяла Восточная Сибирь.

Я помню нашу первую зимовку.
Шестидесятиградусный мороз
Потребовал особенной сноровки:
Ошибочен был первый наш прогноз.

Был уговор у нас — не зазнаваться.
В «краткосрочных»*
Ты ушла вперед,
А мне хотелось, надобно признаться,
Погоду предсказать на целый год!

Однажды погордились мы «ошибкой»:
Я сына предсказал, как все отцы,
Ты — дочь ждала и спорила с улыбкой.
А вышло, что родились близнецы:
И дочь, и сын.

Они уж пионеры,
По-взрослому со мною говорят.

---

* Прогнозы погоды составляются краткосрочные, например на текущий день, на следующие сутки, и долгосрочные — на несколько недель, месяцев вперед.

Сын хочет быть «пилотом стратосферы»,
А дочка — этой нужен в тундре сад.

Я верю, их мечты осуществимы,
Судьба не будет мачехой для них:
Заботами отечества хранимы
Мечтания наследников твоих.

А ты лежишь на подступах к Петсамо
И не ответишь мне...
Прощай, прости!
Пурга гремит жестоко и упрямо,
И долго мне тебя не навеситить.

3

Работа. Дети. Горькое сиротство.
Я думал, что не выдержу.
А вот,
Стихиям и страданиям в превосходство
Прогнозы ставлю твердо пятый год.

Ошибки стали реже.
В кабинете,
В Бюро погоды
Видно мне сейчас,
Как ураган подходит на рассвете,
В твою могилку скромную стучась.
Грохочет ночь.
Я вижу и с Чукотки
Едва заметный белый бугорок,
Прижатый камнем краешек пилотки,
Расколотого деревца кусок,
И звездочку со ржавью жестяную,
Осыпанную пылью снеговой,

И надпись неуклюжую, простую
Над бедною твоею головой.

Как эта надпись кратка и сурова!
За десять тысяч верст ее видать:

**ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА БАГРОВА
СЕРЖАНТ-СИНОПТИК ЧАСТИ «205»**

Не вспомнить час, когда тебя убили,
Не записал.
Но, знаешь ты сама,
Ведь было наступление, Людмила,
Была такая трудная зима.

Авиабазы в грозные те сутки
Не дождалась семнадцати машин.
Я сам запрашивал метеобудки,
Определяя утренний режим.
Он был ужасен.

В штабе все молчали,
Когда я объявил прогноз в «ноль-ноль».
И ты поймешь, что все мои печали
Влились в большую, яростную боль.
Так много потеряли мы.
И все же
Торпедоносцы справились с врагом.
А путь назад... для них был невозможен:
Циклон взревел —
На триста миль кругом.

...Через неделю в сумерках дымящих
На леденелом, темном берегу

Оплакал я и летчиков пропавших,
И бедный холмик, спрятанный в снегу.

4

На Крайнем Севере творец погоды — дьявол,
Так говорят легенды якутов,
И кто в Чукотском море нынче плавал.
Поверить будет этому готов.

Пусть сказка это или полусказка —
Проделки дьявола легко видны всегда:
Метеосводок подлинная связка
Погоду нам покажет без труда.
Опишет то, что было или стало
В любом квадрате карты СССР.

Но этого сегодня очень мало.
Что будет завтра? Или, например,
Через неделю, месяц иль полгода?
Где будет тихо, где рванет гроза?
Грядущего неведома погода,
А вот ее и надо предсказать.

5

Поэзию и точную науку
Объединяет кровное родство.
И, проходя сквозь творческую муку,
Чудесное рождается мастерство.

Поэт — всегда синоптик по природе,
Синоптик — по профессии поэт.
Они заране мыслят о погоде,
Которой еще не было и нет.

Хотя не совершенны предсказанья
(Синоптика — наука молода),
Но разуму высокого дерзанья
Поможет ваше сердце иногда.

Оно подскажет многое такое,
Чего метеосводки не дадут, —
И тайное, и, может, роковое,
Чего еще не ждали и не ждут.

Используйте, друзья, военный опыт,
Кровавую науку прошлых лет.
Пусть ваша память мужественно копит
Сигналы поражений и побед.

Не забывайте павших!
Наши дети
Осиратеть вторично не должны.
Любую бурю грудью надо встретить,
И предсказанья верные нужны.

На всех границах, внутренних и внешних,
На суше, в море, в воздухе —
Всегда! —
В сиянье полдней в сумерках кромешных
Погоду не на месяц,
На года
Обязаны мы знать.
И без ошибок
В очередном прогнозе изложить.

Циклон прошел. Но климат мира — зыбок,
И нам, синоптики, придется послужить.

Все взято честно,
 Доблестно, открыто:
 Вся Арктика освоена трудом
 Людей, чьи имена не позабыты,
 По чьим путям и нынче мы идем...
 И ты вошла в бессмертие, Людмила,
 В других сердцах живут твои мечты,
 Ты мне дорогу жизни осветила,
 Я снова у арктической черты.

Вот я и дослужился до Чукотки.
 А ты... со мной не будешь зимовать.
 Не будешь поджидать ночные сводки,
 И некого мне больше ревновать.

И голос твой отныне не услышу,
 Украдкою тебя не обниму.
 Ты спишь.
 Вокруг метель снега колышет,
 Не холодно ли сердцу твоему?

Согрел бы я тебя своим дыханьем,
 По-юношески обнял бы...
 Проснись!
 Мне больно жить одним воспоминаньем,
 Ведь впереди еще вторая жизнь...

Я вытерплю, я выдержу, Людмила!
 За жалобы меня ты не кори.
 Бывает, знаешь...
 Вьюга так уныла,
 И мне, вдовцу, не спится до зари.

Но будет так, как мы с тобой мечтали:
Полярниками выращу детей,
Утешу их сиротские печали
Заветом светлой памяти твоей.

Я приучу их к всяческой погоде,
Чтоб смелыми, упертыми росли,
Солдатами, бывальными в походе,
Невзгоды стойко все перенесли.

Во сне они сейчас бормочут: «Мама...»
А утром на портрет твой поглядят
И вспомнят:
Ты убита под Петсамо,
Под Печенгой,
Пять лет тому назад.

Твоя медаль
«За оборону Заполярья»
Спокойно в детской комнате лежит.
Циклоны Западного полушария
Не перейдут за наши рубежи.

7

Новешенькою картою сверкая,
Сыночек вчера устроил мне аврал:
— Да разве наша Арктика такая?
А где Норильск? Куда он запропал?

И дочка иронически-обидно
Разглядывала белое пятно.
— Плохая карта. Старая, как видно.
Тут новый порт построили давно!..

Да, карты и учебники стареют.
Покамест их неспешно издают.
На месте пятен, что, как снег, белеют,
Заводы и селения встают.

8

«Челюскин» принял гибель не напрасно,
Папанин не для спорта дрейфовал.
Теперь географ может безопасно
Перелететь ва Северный Урал,
Заночевать, допустим, под Картымом,
А через двое суток в Уэлькан,
Где Дежнев мыс стоит неодолимо,
Отбив щитом аляскинский туман.

И даже при таком вот перелете
Географ бы заметил без труда:
Полярный Круг — в весеннем повороте,
Не стойбища шумят, а города.

Географ, загляните в наши школы,
На станции поляные, сюда!
Порадуйтесь, как люди-новоселы
На тундрах оседают навсегда.

По-русски оседают, домовито,
Со всем своим семейным багажом,
Со всей родней
И с тем советским бытом,
Который мы законно бережем.

Отрадны им затундренные дали,
Просторы океанской стороны,

Они здесь радость жизни увидали
И будут солнцу Арктики верны.

9

Я не имею родословной.

Дед батрачил,
Гонял плоты по Северной Двине.
Отец на рыбных промыслах маячил
И утонул в неведомой волне.

Под парусами шхуночки ловецкой
Мальчишеская плавала заря —
На Мурмане,
Едва простившись с детством,
Я юнгою ходил до Октября.

Потом ликбезы, курсы и рабфаки
И, наконец, заветный институт,
Который все полярные вояки
Отцовским домом с нежностью зовут.

И в самом деле, там усыновляли:
Учили душу,
Сердце берегли,
А после в дальний путь благословляли —
Во все края затундровой земли.

Там повстречалась мне моя Людмила.
Мы кончили особый факультет:
Синоптика — она нас породнила, —
Наука предсказаний и примет.

Затем пять лет зимовок..
Да, в анкете,
Вы говорите, надо повторить

Все, что в военном значится билете, —
Иначе рвется фабульная нить?

Вам нужен возраст?
Сорок лет. Что дальше?
Партийность?
Коммунист.
Каков партстаж?
С тех дней, когда сказали мы на марше
Арктическому дьяволу:
-- Шабаш!

10

Немецкий снайпер был разорван миной
Примерно через час,
Как он тебя убил,
Тот выстрел был последним...

Над равниной
Чуть брезжило.
Морской прибой рябил
Свинцово-маслянистыми валами.
Поземка раздувала белый прах.
Мотали тучи рваными крылами,
Передний край пострелял впотьмах.

Оттуда мне и позвонили...
Твой приятель
Гвардеец-лейтенант сочувственно басил
О том, как минометчик-наблюдатель
Прямым накрытием немца «погасил».

Сумятица в эфире. Грохот ветра.
Крутящиеся ленты телеграмм.

И где-то близко, за два километра,
Тебя везут на нартах по снегам.

Везут ко мне — прощаться...
Как я встречу?
Об этом и помыслить я не мог.
Командующий ждал: что я отвечу?
Прогнозы все оправдывались в срок —
Была надежда на ошибку...
И напрасно.

Я знал, что не затихнет ураган,
Сухие цифры говорили ясно —
Взбесился Ледовитый океан.
Торпедоносцы не могли вернуться с моря.
Семнадцать экипажей — без следа!
Всю тяжесть моего большого горя
Не сразу я почувствовал тогда.

Мне дали отпуск —
Два часа страданья.
Когда работал, боль была глухой.
А тут... могила, муки расставанья...
И этот снег, назойливый, сухой.

Все сердце мне насквозь запорошило,
Пока ты уходила от меня.
И долго-долго голову кружило
От вспышек автоматного огня.

Две очереди скромного салюта.
Обратный путь, отчаянный, без слез.
Горбатая томительная смута
Со мною вместе села за прогноз.

По виду, говорят, я был в порядке.
 Работал, как обычно, по часам,
 Курил, обедал, спал под плащ-палажкой
 И лишь никак не мог проснуться сам, —
 Меня будили силой.

А спросонок
 Мерещилось, что я лежу в снегу.
 Среди спирально вьющихся воронок
 Лежу и приподняться не могу.

Я будто омертвел совсем, Людмила.
 Погиб бы я тогда наверняка.
 Да помогла мне дружеская сила.
 Товарищеская теплая рука.

Мое непоправимое несчастье
 Не выросло в калечащий недуг, —
 Суровое солдатское участие
 Невидимо затеплилось вокруг.

Огромный ворох елочных игрушек
 Откуда-то доставил медсанбат.
 Передавая сказочных зверушек,
 Посыльная сказала: «Для ребят...»

Пять лет прошло в надежде и в тревоге.
 Проверив сердце тысячу невзгод.
 Стою я на арктической дороге
 Разведчиком невидимых погод.

Весеннее предвидя наступленье,
 Зарю встречая в бездне темноты,

Держу я боевое охраненье
На подступах высокой широты.

Еще не совершенны предсказания
(Синоптика — наука молода),
Но разуму окрепшего дерзания
Поможет сердца опыт иногда.

Поможет наша воинская дружба,
Рожденная победами в борьбе.
На службе я. Но разве это служба?
Моя работа — памятник тебе!

12

По островам ночного океана,
Вдоль берегов разбуженных морей
Встречают нас, всплывая из тумана,
Столпы пирамидальные камней.

Уложенные чьими-то руками,
Они далеко в небо ворвались,
Как будто темный выщербленный камень
Подняться хочет в солнечную высь.

По-беломорски столп зовется «гурий»*,
Откуда это прозвище, бог весть.
Но в тех краях, где слишком часты бури,
Заветное во всем значенье есть.

Столпы такие ставились извечно
По перепутьям встречи и разлук.

---

* Гурий — так называются на всем Крайнем Севере груды камней, уложенные наподобие колонн. В советское время «гурии» ставятся экспедициями как условные гидрографические знаки.

Над павшими в страданиях скоротечно,
У перекрестков бедствия и вьюг.

Столпы перебратались с маяками.
Как памятники встали — навсегда.
Их тысячи стоят над берегами.
А впрочем, кто считал их и когда?..

И лишь сердца полярных капитанов
Хранят их, как сигнальные огни.
Да штурманом в маршруте караванов
Заботливо отмечены они.

Поставлю я тебе высокий гурий,
Родная, ненаглядная жена.
Такой, чтобы в пылающей лазури
Судьба твоя была отражена.

Пусть будешь ты на взморье заполярном
Сегодня и пять тысяч лет потом
В созвездии героев легендарном,
Как звездочка над Северным путем!

Когда-нибудь припомнят эти годы
Поэты поталантливей, чем я.
Синоптиком устойчивой погоды
Останется лишь лирика моя.

СОДЕРЖАНИЕ

Сердечное слово	3
---------------------------	---

Звезды Полярного Круга

Полярный зов	9
Семен Дежнев	10
Памятник Шелухову в Иркутске	13
Русские флаги в Антарктиде	15
Рейс китобойной флотилии «Слава», 1949 год	17
Навигация в Арктике	19
Восточно-Сибирское море	21
Большой Диомид	23
По следам Беринга	25
Бухта Амбарчик	27
Белая ночь на Чукотке	28
Ледовый наблюдатель	30
Ледовитый океан	32
Открытие полярной дороги	33
Полярное лето	35
Ледяные сады	37

Мои друзья, северяне

Арктический порт	41
Подъем морского флага	43
Командир ледокола	45
Бывалый полярник	47
Охотские жители	49
Радиопост	51
Северное сияние	53
Осень на реке Индигирке	55
Красная смородина — тундровый виноград	56
Олекминская пристань	58
Речка Поледуй	60
Зимовка на острове Уединения	62
Весна в Бурульзае	63
Пионерский лагерь в Сергелляхе	64
Ленские скалы	66
Окно в небе	68

Утро на Витиме	69
Конец августа	71
Замерзшие звезды	72
Строитель дорог	73

Байкальское сердце

Байкал	77
Байкальское сердце	80
Прибой на острове Ольхон	82
Зимняя путина	84
Уход льдов	86
Исток Ангары	86
Ангара	88
Послание с Байкала	89
Песня	91
Омулевый лов	92
Настенька-рыбачка	94
Моя прабабушка Устинья Ильинична	97
Вечерины	102

Служба погоды

Служба погоды	111
---------------	-----

АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ ОЛЬХОН

Северное сияние

Стихи

ИБ 291

Редактор-составитель Г. Ф. Стрилева
Оформление серии художника А. И. Аносова
Худож. редактор В. А. Адов
Техн. редактор А. Н. Расторгуева
Корректор В. М. Ермакова

Сдано в набор 11 октября 1977 г. Подписано
в печать 25 ноября 1977 г. Печ. л. 4. (усл. л. 5,6).
Уч.-изд. л. 3,97. Бум. тип. № 2. Формат 70×108¹/₃₂.
Тираж 3000. Не 01782. Заказ 2096. Цена 40 коп.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Иркутск, ул. Горького, 36.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», г. Иркутск, ул. Советская, 109.